

МАГИЯ  **ФЭНТЕЗИ**





Виктор ШАЙДИ

ИЕРОНИМ

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство А.ПЬФА-КНИГА»



УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш12

Серия основана в 2004 году
Выпуск 473

Художник
С. А. Григорьев

Шайди В.
Ш12 Иероним: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 409 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1501-4

Что делать, когда привычный мир перестает существовать, а действительность пронизана сумасшествием? Для командира разведывательного взвода лейтенанта Александра Стрижева ясно одно — не останавливаться! И пусть происходящее абсурдно и разум перестал воспринимать реальность! И наплевать, что камуфляж сменился рыцарским доспехом, за спиной рукоять меча, а на груди медальон власти герцога! И не волнует, что в спутниках рыжий демон, а ты застрял в застывшем в Средневековье мире! Проблемы — тлен и прах! Важна лишь цель — вернуться обратно. Цена мала: всего лишь жизнь, а значит, кто не спрятался — я не виноват!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1501-4

© Виктор Шайди, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

Сырое, осеннее, пахнущее лесными пожарами горное утро не радовало. Ночная мгла отступала. Туман мелкими капельками влаги затянул ущелье, внося лепту в серость окружающей обстановки. Листья облетели, трава пожухла. Зеленка отступила, открыв взору черные прожилки троп и мутновато-синие вены ручьев и рек. Горы, готовясь накинуть зимнюю пушистую шубу, скинули цветастый летний наряд, обнажив кривые стволы деревьев. Боевые действия затихали. Крупномасштабная, позиционная война закончилась, уступив место широкому партизанскому движению, ночами минировавшему дороги. Осень, смахнувшая зелень с гор, внесла коррективы в тактику озлобленных наемников. Оголенные заморозками и ветром деревья не могли надежно спрятать в листве. Труднее становилось устраивать засады и незаметно уходить. Боевики старались передвигаться в темное время суток. Базы консервировались. Большие банды понемногу самораспускались, уходя на зимние квартиры в дальние аулы и села.

Озабоченное постоянными потерями командование наращивало усилия по проведению разведки и обнаружению схронов и летних баз врага. Придет суровая зима, и горы закроет тяжелый снег. Поставки денег и оружия в республику временно прекратятся. Необходимость обнаружения и уничтожения стоянок и запасов врага вставала острее. Следовало торопиться, пока белое и пушистое покрывало надежно не укроет горы.

Разрезая лопастями густой туман, над одной из серых, поросших корявыми деревьями вершин завис вертолет. Гигантской жестяной стрекозой над чахлым цветком снижался в светлую проплешину, подняв потоком воздуха тучу

опавших листьев, закружившихся в хаотичном вихре. На землю горохом посыпались люди в грязных комбинезонах, с огромными рейдовыми рюкзаками за спиной, разбегаясь и закатываясь в складки местности, сливаясь с серой массой взлетевшей листвы, — разведывательная группа. Позывной — Стриж.

Я — командир, свежееиспеченный лейтенант Александр Стрижев, выпускник одного из военных училищ нашей необъятной родины. Училище хладнокровным конвейером регулярно поставляло в войска юных, амбициозных офицеров, заполняя вакантные должности в воюющей армии.

Накануне, получив от ротного команду, взвод тотчас начал подготовку к проведению боевой разведывательной операции. Ранним утром, когда не успевшие исчезнуть звезды отражались в замерших лужах, погрузились в покрытый обледеневшей испариной вертолет и, взбодренные последним инструктажем, вылетели.

Как обычно, тихо сидели в пропахшем керосином, трясущемся от вибрации двигателя железном брюхе машины. Каждый разведчик коротал время по-своему, не обращая внимания на товарищей. У бойцов приметы тесно переплелись с привычками, переросшими в ритуал, успокаивающий нервы за минуты полета. Со стороны это выглядело спонтанной коллективной молитвой или медитацией, отгонявшей назойливые мысли. Слишком часто враг сбивал вертолеты, бросая на землю горящие машины, а умирать в объятый пламенем консервной банке не хотелось. Лучше на поле боя, чем так, в одной большой, раскаленной пламенем, падающей братской могиле. Тем более что, соблюдая скрытность полета, летчики не включили отстрел тепловых ловушек, чье хлопанье и шипение успокаивало людей, даря надежду на спасение от смертоносных ракет.

Время тянулось густым сиропом, и я скрашивал его тем, что, вооружившись ножом разведчика, выцарапывал на торцах взрывателя гранат к подствольнику классический православный крест. Закончив, осеял крестным знаменем, беззвучно шевеля губами, произносил: «Уничтожай врагов, ветром гони пылью по земле». Не то чтоб я сильно веровал, но бабушка регулярно водила меня в церковь, хотя окреститься так и не получилось. В минуты тянущейся не-

известности, понимания собственного бессилия очень хотелось верить в существование светлого и высшего, могущего уберечь и защитить.

Пятнадцать долгих минут — и вот мы на месте. Глоток морозного воздуха свободы сбросил оковы томительного оцепенения и ожидания. Привычно пружинили ноги, выбивая тяжелыми ботинками мелкие камни. Вихрь, поднятый лопастями, навязчиво толкал в спину, заставляя стремительно нестись под покрытие складок местности.

Группа рассредоточилась, вошла в связь.

Мне повезло, достались опытные бойцы, не раз совершавшие подобные рейды, работали на автоматизме.

Конечно, в училище, помимо всего прочего, много тренировались, совершали учебные выходы. Но война есть война, и к ней невозможно подготовиться полностью.

Зам, сержант Агимов, по-простому Азик, смуглый и поджарый, с острыми чертами лица, имел ранение и награды, умело управлял взводом. Пока на смену погибшему офицеру не прибыл я, полгода командовал и водил солдат по горам. Авторитет командира не пришлось особо завоевывать, разведка есть разведка — отличается дисциплиной и слаженностью действий.

Осмотревшись на местности, начали движение. Тропа, змеей виляя между камнями, поднималась в гору. Светало. Ленивое солнце узким прищуром выглянуло из-за горизонта.

Нужно скорее дойти до цели, пока густое молоко тумана прикрывает от обзора с соседних высот.

Умело карабкаясь и слаженно двигаясь гибкой гусеницей, группа добралась до вершины. Земляная змея, петляя по хребту, убегала в сторону перевала. Залегли, заняли круговую оборону. Я позвал сержантов на короткий инструктаж. Угрюмые лица тесной кучкой склонились над картой.

Задача простая — совершить марш в сторону Мертвой крепости, разведать и начать работу в районе.

Мертвая крепость — развалины небольшого города, довольно старые, окруженные лесом и изрезанные распадками, поросшими колючим кустарником. Место гиблое. Интересно лишь тем, что в незапамятные времена крепость надежно охраняла перевал Каменные когти, один из основных проходов на территорию республики. Естественно, штаб

справедливо полагал, что в районе развалин крепости могла находиться база для сосредоточения и отдыха боевиков, прошедших трудный путь через перевал. Не раз замечали активность, проводились огневые удары артиллерией, но странно — результаты отсутствовали. Не то бандиты успевали уйти, не то умело прятались. Нужно на месте разобраться, что к чему. Подождав глубокой слякотной осени, когда обнажатся горы, командование и направило нас.

Немного уточнив план, разделил группу на две части. Первую поведет Азик, вторую я. Зам должен обойти развалины и укрепиться на нависавшей над ними козырьком соседней господствующей высотке, обеспечив прикрытие и, в случае контакта, отход второй команды. Группа Азика скрылась в жухлом кустарнике. Теперь самое непростое в работе — ждать результата. Легкое волнение, лежим, слушаем, всматриваемся в мутную, шевелящуюся на ветру растительность. Эфир молчит. Тишина повисла в воздухе нудным звоном. Из-за горизонта, разгоняя мрак, уползающий в темные тени горных пиков, робкими лучами встает солнце. Время неторопливо двигает стрелки часов. Кажется, прошла вечность, а смотришь на циферблат — нет, лишь пять минут. В такие моменты в голову обычно лезут назойливыми, наглыми мухами мысли и воспоминания.

Курс спецподготовки. В наглаженной форме небольшого роста старый усатый полковник Бойко высохшей корягой расхаживает по классу. О непростой жизни красноречиво говорят колодки наград на кителе. Тот еще иконостас. Прошедший, по слухам, не одну войну и побывавший во многих горячих точках усач пользовался уважением курсантов и преподавателей. Методично вдальбивал науку разведки. «Страх, товарищи курсанты, — говорил полковник, — не враг разведчика, а верный союзник. Противник тоже трусит, разведчик же боится лишь одного — не выполнить задачу, и чем раньше вы поймете это, тем лучше. Заставьте страх работать на вас».

Вот я и лежу сейчас, смотрю и стараюсь не думать о худшем, а легкое волнение тонким лезвием щекочет нервы. Эфир по-прежнему молчит. Прошло полчаса. Солнце взойшло и начало согревать теплом вершины, растворяя туман, внося резкость в размытые черты обстановки. Проявляю-

щимся негативом прорисовывались пики гор, открывая поразительной красоты картину гигантского, созданного природой храма. Огромные, уходящие в небо высоты заслоняли горизонт, взгляд скользил и упирался в величественную мощь, накатывало ощущение собственной мелкоты и беспомощности. Густая серость осенних деревьев, покрывавшая склоны, дышала опасностью, заставляя тщательнее всматриваться, вслушиваться в шорохи. Спасаясь от ярких лучей беспощадного солнца, ночная мгла зловещими тенями утекала в густой подлесок, прячась в тень вершин. В эти моменты главное не дать страху проникнуть в душу и глубоко застыть. Мозг автоматически включает натренированную защиту: мы — опасность, мы — охотники, а остальные — дичь. Адреналин мелкими порциями впрыскивается в кровь, учащая пульс, обостряя реакцию. Секундное наваждение липкого страха пропадает, уступая место холодному азарту хищника. Чувствую — группа испытывает то же. Гончие псы перед охотой — знаем, куда и зачем пришли, знаем, что рядом зверь, но пока сидим на поводке. Вот и легкий страх, и волнение, вызванное адреналином.

Нет хуже, чем ждать. Приходится гнать разные мысли, сдерживать желание немедленно действовать. Терпение очень ценится в разведке.

Радиостанция заговорила булькающим, измененным голосом Азика:

— Стриж, Стриж, я Ворон, прием, прием.

— Ворон, я Стриж, на приеме.

— Стриж, я Ворон, задачу выполнил, в квадрате чисто, я Ворон, прием.

— Ворон, Ворон, я Стриж, тебя понял, начинаю работу.

Время встрепенулось и побежало в привычном темпе. Лица бойцов заметно посветлели, глаза блестят.

Началась работа, товарищи в порядке, прикрывают. Наш черед пришел.

По моей команде группа осторожно снялась с места. Практически без лишнего шума, растворяясь в окружающей серости деревьев, двинулись по тропе. Напряжение спадает, уступая место легкой сосредоточенности, в случае опасности готовой в любой момент отдать тело во власть натренированных рефлексов. Огромным хищником крадем-

ся, стараясь не шуршать опавшей листвой, приближаясь к черным, заросшим диким виноградом и мхом развалинам.

Переспелые гроздья ягод каплями крови стекают по грубым камням. Мертвая крепость впечатляла. Старые серые каменные стены, разрушенные постройки, разбросанные по пологой вершине и занимающие порядком места. Воронки от снарядов, поваленные и обгорелые деревья — следы обстрелов — грубыми мазками подчеркивали мрачность картины.

Теперь понятно, в этих руинах можно спрятать при умелом подходе и пехотный батальон.

— Ворон, Ворон, я Стриж, прием, прием.

— Стриж, я Ворон, на приеме, — пробудькала радиостанция.

— Ворон, прикрывай, начинаю работу, я Стриж, прием.

— Стриж, я Ворон, вас понял.

Достав из рюкзаков миноискатели и разбившись на боевые тройки, приступили к поиску. Провозившись почти до обеда, обыскав крепость и близлежащие развалины и ничего не обнаружив, группа сосредоточилась в небольшом распадке у ручья. Следов пребывания противника нет. На тропе, уходящей на перевал, отпечатки лап зверей.

Плохо, результата нет.

Уставшие, перепачканные липкой грязью и осенним мусором бойцы растворились на фоне грубых отвесных склонов оврага, прорезанного неугомонным ручьем. Миноискатели и щупы заняли свое место в огромных рюкзаках. Разочарование повисло густой пеленой. В разведке отсутствие результата тоже результат.

Взорвав тишину, проснулась радиостанция:

— Стриж, я Ворон, прием, прием.

— Стриж на приеме.

— Стриж, я Ворон, наблюдаю движение со стороны входа в крепость, численность до десяти человек, — доложил Азик. — Я Ворон, прием.

— Ворон, я Стриж, вас понял, прием.

Вот, началось!

Струнами натянулись нервы, собранность судорогой прокатилась по группе. Быстро отдал приказ — задвигались, начали отходить. Беззвучно, короткими перебежками выбрались из распадка.

Уходим.

Корявая растительность охотно принимает в свое царство, пытаясь укрыть и смазать силуэты людей. Опасность щекочет ноздри запахом пота и пожухлой осенней листвы. Ворон не унимается, докладывает, что численность противника увеличилась до двадцати. Бандиты рассредоточиваются по крепости и продолжают прибывать. Ушастый — радист на дальнобойной станции — пытается связаться с базой. База, зараза, молчит. Группа отходит.

Вот, блин, война, с неожиданностями и коррективами.

Ситуация паршивая.

Двигаемся, плавно перетекая от дерева к дереву, сливаясь с общей массой серости, растворяясь в осени.

Не заметили.

Уходим от опасности. Ворон не замолкает, докладывает, что нас видит, видит и бандитов, тех все больше и больше. Противник занимает развалины и продолжает прибывать.

Плохо, нет густой, все укрывающей зеленки. Чертова поздняя осень, сбросившая на землю так нужную сейчас листву. Скоро заметят.

Переходим на бег, несемся тенью — стремительно, бесшумно, смешивая шуршание листьев под ногами со звуками играющего в голых ветках ветра. Ушастый не перестает терзать эфир, пытаясь связаться с базой.

Связь есть.

Замели.

Выхожу в эфир, докладываю. Вызываю огонь по квадрату.

Время летит стрелой, пронзая пространство. Одурманенный адреналином мозг смазывает четкость и детали. Окружающая картинка движется черно-белым неммым фильмом — быстро, бессмысленно. Тишина, сдерживаемое дыхание, стук сердца. База хрипит голосом начальника штаба.

Приказ: «Отход с квадрата, в контакт не вступать, по выходу доклад!»

Вскочили, понеслись слаженно и тихо. Огибаем высоту Ворона, выскакиваем на противника.

Контакт!

Быстрый, короткий бой, воздух сухо рассекают пули.

Не ждали.

Вышедшему навстречу боевику очередь из АКМа взрывает лицо, превращая в сплошную жуткую маску, окраши-

вая красными каплями потрескавшийся сухой ствол дерева. Группа быстро уничтожает остальных.

Обнаружены!

База треском эфира взрывается в наушниках, непередаваемый русский мат обещает мне смутное будущее и спасительный огонь артиллерии. Ворон булькает по второму каналу — тоже контакт!

Прикрывает.

Обогнули высоту, на бегу смотрю карту, назначаю точку встречи с Вороном, мозг работает как компьютер, посылает короткие заученные сигналы, переходя на режим отсутствия мыслей и полного автоматизма. Решения и команды выскакивают со скоростью бегущей строки в неоновой рекламе. Азик тоже снимается, отходит. Засвистело и забухало, артиллерия работает по квадрату, а группа несется в сторону перевала Каменные когти. Дальше чужая страна — туда нельзя. Поднялись на высоту, голый камень, спрятаться нигде, ждем Ворона. Стрелки часов взбесились, в ушах стучит кровь.

Раненых и убитых нет, повезло.

Быстро пополняем боезапас, зубами разрывая промасленную бумагу пачек с патронами. Выскакивает Ворон с людьми, быстро рассредоточиваются. Пока бойцы восстанавливают дыхание и, взглядами сверля склон, забивают опустевшие обоймы, я и Азик изучаем карту. Обстановка хуже некуда — впереди перевал, сзади рвущиеся снаряды и приближающиеся осатаневшие бандиты. Азик тяжело дышит, говорит — банда очень большая, артиллерия не справится.

Решаю: спустить группу в ущелье, тропу минировать и уходить.

За работу!

Наспех минируем, начинаем отход. Каждый знает, что делать, до автоматизма, не первый день на войне. Пробежав по тропе, нашли удобное место для спуска, привязали веревку, и пошли, пошли ребята по одному. Остальные прикрывают. Ворон ушел вторым, радист Ушастый за ним, и дальше согласно боевого расчета.

Я остался один.

— Ворон, я Стриж, тишина в эфире, работаем по плану, встречу в точке, я Стриж, прием.

Обрезаю веревку — мосты сожжены.

Обеспечиваю прикрытие. Может, решение и неверное, но необходимое.

По следу пойдут.

Надо отвести врагов подальше, а одному уйти легче.

Снимаю рюкзак и минирую тропу. Готово, сигналка поставлена. Побежал вверх по узкой тропе. Эфир молчит, молодец Ворон, понял правильно и уводит сейчас людей по ущелью мимо бандитов, к точке эвакуации, скоро и я к ним присоединюсь, все-таки мастер спорта по бегу.

Спасибо родному училищу, драться и бегать научили хорошо.

Тропа, обогнув здоровенный валун, вывела на удобную позицию, за большим камнем оставил пару магазинов и гранат, пробежал дальше, достал из рюкзака гранаты к подствольнику и тоже оставил в небольшой расщелине между камнями. Вскарabкался вверх, возле щербатого валуна положил два магазина. С удивлением обнаружил — тропа раздваивается, разбегаясь в разные стороны, на карте такого нет. Основная, вытоптанная зверями, уходит на перевал, маленькое же, еле заметное ответвление тонкой ниточкой спускалось в ущелье, через два квадрата соединявшееся с тем, куда ушла группа, а рядом точка сбора.

Повезло.

Вернулся на первую позицию вовремя. Прогремели взрывы нескольких мин, чуть позже сработала сигналка, огласив округу свистом взлетающих вверх красных ракет. Приготовился к бою. Впереди хорошо просматривался участок тропы. Само прошло волнение, я спокойно в прицел АКМа следил за краем тропинки.

Нестройной вереницей показалась группа боевиков. Подождав, когда, дойдя до самого узкого места, собьются в темную массу, выстрелил из подствольника. Автомат дернулся, больно ударив в плечо. Двоих взрывом, черными силуэтами растворив в комьях взлетевшей земли, сразу сбросило в ущелье, третьего — свалившегося бесформенным мешком — добил короткой очередью, оставив лежать на тропе. Пули грязными фонтанчиками пробежали по земле,

расплескавшись красными кляксами на затихшем теле врага. Сладковатый запах пороха защекотал ноздри.

Странно — нет и следа волнения.

Сердце размеренно бьется, страха нет, азарт тугим комком бурлит в груди.

Убивать так просто — нажал, и все.

Не успел поймать мысль, из-за камня чертом из табакерки появился бандит. Две короткие очереди — и тряпкой откинулось назад залитое кровью тело. Сменил позицию. Слышно, на том конце тропы гортанно отдают команды. Легкий ветер перемешивает запахи в один специфический аромат смерти. Артиллерия громом беспощадно трясет высоту, небо заволакивает черным дымом вперемешку со вспышками рвущихся снарядов.

Плохо, что в училище изучал другой язык, знал бы, о чем говорят ошалевшие бандиты.

Поднявшимися мишенями впереди на тропе показались сразу несколько боевиков, началась перестрелка. Время замедлялось, стирая в памяти детали происходящего. Смутной картиной смазались подробности боя — стреляли боевики, стрелял я. Натренированное тело действовало на автомате. Перекатывался, отвечал огнем на огонь, перебегал от укрытия к укрытию, в общем, неплохо вел бой, пока сильно не обожгло ногу. Бросив гранату, спрятался за камень и наспех перетянул жгутом ближе к паху.

Ранение в бедро, кость не задета, двигаться можно.

«Заигрался в войнушку! — проклинал я собственную глупость. — Пора отходить».

Осмотрелся вокруг. Да, быстро добрался да последнего рубежа.

Высунувшись из-за камня, дал короткую очередь. АКМ пойманной рыбой дернулся в руках, выплюнув струю пламени и дыма, и бандит затих около тропы. Гортанные крики сливались в жуткий вой, противник сильно злился. Выстрел — и за камень тенью спрятался человек, а мою левую руку обожгло болью, она повисла плетью. Выдернув кольцо, бросил дымовую гранату и осколочную. Едва начинавший расползаться черный, едко пахнущий химией маслянистый дым встряхнуло яркой вспышкой и грохотом, перемешав с комьями взлетевшей земли. Противник затих. Пе-

ретанул руку жгутом выше раны. Комбинезон все больше окрашивался в красный цвет, смешивая кровь и грязь в бурю палитру. Бросил еще одну осколочную и после взметнувшегося взрыва дал длинную очередь в центр черного облака. Прихрамывая, начал спускаться по узкой тропке.

Задача выполнена, враг отвлечен, ребята ушли, пора и мне.

Спустившись по тропе метров на сто и аккуратно обогнув выступающий кривым когтем камень, увидел обрыв. Ущелье такое глубокое, что дна не разглядеть.

Финиш, доигрался.

Веревка не очень длинная, а парашюта в запасе нет. Горячка боя начала отступать, наваливалась слабость от потери крови, нога отекала, да и рука не особо слушалась.

Времени в обрез.

Привязал веревку к камню и сбросил в ущелье. Спасительная ниточка на прощанье вильнула хвостом и повисла несбыточной надеждой. Чуть выше тропы разглядел небольшую рваную рану расщелины, внутрь мог протиснуться человек. Подполз ближе, стараясь не оставлять кровавый след на пыльных серых камнях, остро впивающихся в тело. Вытащил из нагрудного кармана разгрузочного жилета фонарик, осветил. Луч света, разогнав тьму, ударил в пустоту, не нащупав противоположную стенку.

Место обещало надежно укрыть в спасительном мраке.

Решение пришло само собой, и я не задумываясь бросил последнюю дымовую гранату. Пока дымит, надежно закрывая тропу плотным смогом, бандиты не сунутся — побоятся попасть под огонь и свалиться в бездонную пропасть.

Хорошо, что привязал веревку, надеюсь, собьет со следа, но оскалившийся острыми краями зев расщелины все равно заметят.

Достал из рюкзака три покрытых серебрянкой накладных пластидных заряда. Осторожно проткнув металлическими штырьками детонаторов мягкую пластилиновую массу, поставил взрыватели на пять минут. Как раз дым от гранаты окончательно рассеет неугомонный ветер, и оболенный враг непременно двинется вперед.

Один сюрприз бросил в начало тропы, где продолжала

чадить граната. Мягкий серебристый тяжелый шарик исчез в непроглядном дыму.

Второй полетел чуть выше, слившись с небольшой кучей острых скальных обломков.

Третий заряд положил под валун, бесформенной грыжей выступающий над расщелиной.

Напоследок АКМ дернулся двумя короткими очередями в сторону врага, и гулко хлопнул подствольник, подведя итог боя. Осторожно, стараясь не задевать острые углы ранеными конечностями, начал протискиваться в спасительную, пахнущую сыростью тьму. Дно шершавым, ребристым склоном уходило вниз, и расстояние между стенками, щедро утыканными острыми выступающими камнями, увеличивалось. Полз, борясь с тягучим временем, все глубже погружаясь в холодную сырость небольшой пещеры. Слабые лучи солнца, проникающие через вход, бесследно растворялись в плотном мраке. Плавно уходящий вверх потолок позволил выпрямиться в полный рост. Из бокового кармана рюкзака достал противопехотную мину. Щелчок взведенного взрывателя подхватило эхо и унесло во мрак. Оставленные сюрпризы могут и не отвлечь внимание от черного рубца расщелины, а этот холодный и смертоносный подарок, тщательно присыпанный мелкими острыми камушками, быстро отобьет желание лезть вглубь, разыскивая раненого.

Потихоньку начал продвигаться в беспросветное, пахнущее склепом чрево пещеры. Практически не чувствовал руку и ногу — онемели. От крови промокли рукав и штанина. Мерзкая влага чавкала и хлюпала в ботинке. Пещера, постепенно расширяя окружающее пространство, углублялась, становилась шире и темнее. Из-за потери крови кружилась голова, усталость сильнее оттягивала ляжки рюкзака, давя на плечи. Автомат наливался свинцовой тяжестью, угрожая выскользнуть из слабеющих пальцев. Фонарик не включал, шел на ощупь, придерживаясь влажной шершавой стены, холодной склизкой змеей извивавшейся под ладонью.

Немного пройдя вперед, завернул за угол и сразу ощутил — сильно расширилось пространство, образуя небольшой зал. Маленькие тонкие лучи света четкими, блестящими нитками свисали с небольшой трещины вверху и, не до-

стигнув дна, растворялись во тьме. Бесформенной, огромной чернильной кляксой скользнула в световой паутине тень, метнулась с потолка, поглотив тусклый свет, оборвав серебряные нити. Неожиданно кольнул и обдал холодным потоком лицо ветер, перемешанный со зловонным запахом разложения и смерти, заставив отшатнуться. Слабеющие руки не успели вскинуть свинцовый автомат. Огромная пасть, вырвавшись из мрака белыми клыками, обдала смрадом гниющей плоти, пронеслась мимо головы и вонзилась в выступающий горб рюкзака. Затрещала, разрываясь, ткань, ляжки впились в плечи, посылая волну нестерпимой боли, заволакивающей красной пеленой глаза. Взбесившийся каменный пол, оторвавшись от ног, резко подбросил меня вверх...

Автомат выскользнул из ослабевших рук и, лязгнув, ударился об пол пещеры, подствольник оглушающе выстрелил. Вспышка — и пронзительно звенящий звук взорвавшейся гранаты ударил по ушам и эхом отразился во тьме. Меня встряхнуло. Секундный стремительный полет лицом вниз к пахнущему сыростью и порохом камню, шлепок... Яркий сполох боли ослепил глаза. Упавшая сверху тяжесть обдала вонью вывернутых внутренностей, прихлопнув к острым камням, выбив сознание.

Нестерпимая, разрывающая тело пульсирующая боль быстро привела меня в чувство. Огромная тяжесть размывала по полу, было трудно пошевелиться, раненая рука и нога не чувствовались. Едкий запах крови и пыли щекотал ноздри. Голова раскалывалась, и в ушах настойчиво звенело. Жутко ныло лицо — и, по ощущениям, здорово распухло. Горло наждаком драл спертый воздух, коликами отдавая в легкие. Жажда впивалась колючими шипами в губы. Хотелось пить. Лежал в чем-то мокром и горячем, по голове стекала вязкая жидкость. Лицо, сильно придавленное к каменному полу, погружалось во что-то вязкое и противное. Вдыхаемый воздух вносил солоноватые мелкие капли, теплыми точками покрывавшие сухое небо. В быстро разрастающейся луже скоро мог и захлебнуться. Металлический привкус крови с землей усиливался. Грудная клетка нестерпимо ныла — наверное, сломаны ребра.

Интересно, с какой высоты грохнулся? Что за странная тяжесть придавила и расплющила меня по полу?

Никогда не страдал клаустрофобией и хорошо переносил замкнутые пространства, но беспомощность и сдавлен-

ность вызывала внутренний страх и неудержимое желание выбраться и ощутить свободу движений. Пересиливая боль в легких, сделал один глоток. Густая солоноватая влага прокатилась комком по горлу, продираясь через колючки сухости и жажды, приятным теплом отозвавшись в желудке. Начал жадно глотать. Неожиданный приступ рвоты застал врасплох, едва сдержался.

Да, сотрясение, а может, и контузия — от взрыва гранаты.

Только этого не хватало для не очень приятной картины ранений. Пересиливая терзавшую боль, попробовал хоть немного попить. Каждый глоток прибавлял силы. Утолив жажду, попробовал осторожно выползти из-под придавившей меня тяжести, стараясь делать меньше движений ранеными конечностями. Немного повожившись, освободился. Тело ныло и болело от ушибов, голова раскалывалась, перед глазами плыли круги. Окружающая темнота озарялась красными вспышками боли. Влажные липкие пальцы нащупали на лбу огромную шишку. По ощущениям — носом течет вязкая влага, кровь. Окончательно убедился — заработал сотрясение. Немного полежав в теплой луже, привалившись к вздрагивающей от конвульсий массе, потихоньку приподнялся. Шатало и постоянно тошнило, головная боль сводила с ума. В пещере темно, хоть глаз выколи. Нащупал в разгрузочном жилете спасительный фонарик. Луч прорезал темноту, осветил лежавшую на полу зеленоватую тушу нереальной крылатой твари. Походило на страшный сон. Мозг отказывался верить в происходящее. Луч света, ощутив размеры раскинутых крыльев, пошарил вокруг, нашел автомат, сиротливо лежавший неподалеку. Подобрал оружие, я начал искать рюкзак. Бесформенный мешок с оторванными лямками валялся около зубастой пасти. Тварь сильно смахивала на огромного варана с крыльями. Имущество найдено, срочно требовалось привести раны в порядок, пока сознание не покинуло затуманенный разум.

Почти не соображая и с трудом воспринимая реальность происходящего, постарался оценить случившееся, но боль в голове не давала мыслям собраться. В мучительном бреде, прихрамывая, осторожно побрел в сторону входа. Мысль о бандитах, способных напасть с минуту на минуту, прочно засела в мозгу.

Надо помешать противнику застать меня врасплох, в беспомощном состоянии. Попавшие в плен офицеры проходили через жестокие зверства, не пожелаешь и врагу, и испытать подобное абсолютно не хотелось. Необходимо проверить вход, пока еще есть хоть какие-то силы.

Поковылял в темноте, освещая дорогу спасительным лучом фонаря, магической белой рукой ощупывая каменные стены и пол пещеры. Картинка плыла, перемешиваясь со вспышками боли, и упиралась в грудь валунов, надежно запечатавших вход. Оставленные заряды пластида сделали дело, осталось разобраться, хорошее или плохое. находка не могла не обрадовать, но и сводила на нет попытку выбраться. Вряд ли бандюгам придет в голову разбирать завал. Резкая мысль разметала боль в голове — радиостанция! С нетерпением нащупал и выбросил остатки залитого кровью передатчика. Пластиковый корпус рассыпался на куски от удара об пол пещеры. Последняя надежда на связь с внешним миром и помощь умерла вместе со стуком упавших на камень полуманнских частей. Предстояло выживать самостоятельно. Как выбраться — подумаю позже, необходимо набраться сил и попытаться не умереть от полученных ран.

В надежде найти место, где можно укрыться и спокойно собраться с мыслями и обработать раны, шатаюсь, опираясь на приклад, направился к центру пещеры, и наконец хоть немного повезло. Луч фонарика выхватил из темноты маленький беззвучный голубоватый ручеек, утекающей в расщелину на сером, потрескавшемся полу. Неутомимая вода выточила в скале небольшое, едва заметное русло. Пройдя против течения вперед, увидел темно-голубое озерцо, через край вытекающее густоватой водой тонкого ручья. Диаметр крохотное, около трех метров, не озерцо — средней глубины впадина. Присев на берегу, положил рядом фонарик. Непоседливый луч, слегка задрожав, побежал по гладкой зеркальной поверхности. Трясущиеся грязные пальцы нерешительно коснулись освещенной глади, и расплзающиеся мутные капли бурой крови темными тяжелыми струйками устремились на дно. Вода на удивление теплая, мягкая и плотная — парное молоко, да и только. Достал из рюкзака химический стержень, провернув с хрустом зажим, положил рядом. Немного погодя стержень засветился зеленова-

тым светом, отодвигая мрак и освещая небольшое пространство вокруг.

Повозившись, скованный навалившимся бессилием, достал перевязочные пакеты, аптечку и чистый защитного цвета комбинезон, сетчатое термобелье и баллон с миниатюрной газовой горелкой. Происходящее отчетливо походило на бредовый сон, картинка продолжала плыть перед глазами, головная боль не давала сосредоточиться и собрать разбежавшееся мысли. Раны на руке и ноге перемотал моментально окрасившимся кровью бинтом, снял жгут. Помнил из занятий по медицинской подготовке — если жгут наложен слишком давно, то происходит полное отмирание тканей, приводящее к гангрене и потере конечностей. Надо же, ненужные, как казалось тогда, знания пригодились и, надеюсь, помогут сохранить жизнь. Пытаясь пересилить боль и головокружение, вспоминал разбросанную шоком на осколки информацию о действиях в такой ситуации. Достав из аптечки одноразовый шприц с обезболивающим, сделал укол в здоровую руку, чтобы наркотик не вышел вместе с сочившейся сквозь бинт кровью.

Сейчас начнут оживать онемевшие конечности и вместе с ними — боль.

Укол должен помочь удержать сознание на тонком волоске и не дать оборваться от шока. Пока, пощипывая и покалывая, отходили рука и нога, стащил с ног ботинки и, вылив почерневшую кровь, прислонил кверху подошвой к камню. Пусть немного подсохнут, попозже займусь ими. Снял разгрузочный жилет, срезал, используя широкий нож разведчика, пуговицы на комбинезоне, горохом посыпавшие на каменный пол. Повязки на ранах начали набухать и пропитываться кровью, приобретая красный цвет. Боль прокатилась по раненым конечностям. Кружилась голова, поташнивало и нестерпимо хотелось пить. Пластиковая фляга с водой, находившаяся в верхнем кармане рюкзака, смята и прокушена злобной рептилией. Вода вытекла, изрядно намочив содержимое. Зачерпнул ладонью теплую синюю воду озерца, попробовал. Странного стального вкуса глоток прокатился по горлу, не утолив жажды, резью отозвавшись в желудке. Голова закружилась еще сильнее, в боку кольнуло.

Можно отравиться.

Достал из аптечки транквилизатор. Проглотив капсулу, запил стального вкуса водой. Жажда не проходила. Пришлось взять в руки фонарик и, преодолевая боль, покачиваясь и опираясь на автомат, двинуться к туше ящера. Добравшись, встал на четвереньки и принялся пить тягучую кровь рептилии. Отвращение и брезгливость давно задушил, еще в училище, на уроках выживания: когда в первый раз заставили есть живых змей, многих вырвало, а кто-то упал в обморок. Надо вытеснить из головы образ пищи и представить другой, более съедобный продукт. Убедить мозг, и дело пойдет намного лучше. Сейчас не пришлось представлять, боль и головокружение смазывали реальность происходящего.

Странно, говорят, что змеи и ящеры хладнокровные, а кровь теплая.

Сдерживая рвотные рефлексы, напился. Слегка пошатываясь и хромая, вернулся к озеру. Рука и нога полностью отошли, повязки на ранах пропитались кровью. Наложив жгуты поверх ран, срезал набухший бинт, снял комбинезон и нижнее белье. Оставшись в чем мать родила, медленно, осторожно зашел в теплое синее озеро. Темная тягучая, перемешанная с кровью грязь окрашивала воду в серый цвет и, извиваясь щупальцами и тонкими ручейками, уходила из впадины, устремляясь по каменистому полу в разные стороны. Здоровой рукой долго смывал кровь рептилии, аккуратно промывая раны.

Хорошо, что кости не задеты и пули прошли навывлет.

Лег на спину, погружаясь в бережно обволакивающие, бархатные объятия озерца. Вода приятно грела тело, из ран тонкими бурными жгутиками вытекала кровь. Главное — не лежать долго, потеряешь много крови.

Задержав дыхание, с головой погрузился в теплую воду. Боль в теле и голове немного поутихла. На задний план отошли проблемы, перестало стучать в висках, лишь головокружение продолжало смазывать происходящую реальность. Обезболивающий укол — по-простому опиумный наркотик — действовал.

Расслабляться нельзя.

Вынырнув на поверхность, выбрался на скользкий и мокрый берег. Порывшись в рюкзаке, достал спички и зажег

горелку. Свистящее пламя направил на кончик ножа. Огонь жадно лизал быстро краснеющее лезвие. Предстояла неприятная, но нужная процедура. Опасаясь, что боль оборвет нить сознания, сделал еще один обезболивающий укол. Никогда не принимал наркотики и не знаю, что чувствуют люди. Но смесь приятных ощущений, обжигая, потекла по венам. То ли успокоились нервы после боя, то ли подействовала вода озера, а может, и двойная доза наркотика. Боль отступила. Навалилась пуховым одеялом слабость и расслабление. Голова помаленьку переставала гудеть и кружиться.

Нож нагрелся, а рука и нога занемели. Стиснув в зубах пластиковые ножны, закрыв дорогу крику, достал из рюкзака железную фляжку с самым ценным продуктом на войне — чистым спиртом и полил рану. Острая боль сдернула покрывало расслабленности. Покрепче сжав зубы, прислонил нож к входному отверстию раны. В глазах резко потемнело, запахло паленым мясом. Слезы сами собой брызнули из глаз, под ножом зашипела сворачивающаяся кровь. Немного подождав, вернул нож в жадное пламя горелки. Отдышался, успокаивая рвущееся из груди сердце. Отхлебнул чистого спирта, задержал дыхание и приложил раскаленный нож к выходному отверстию раны на руке. Боль снова захлестнула, кисти, побелев, непроизвольно сжались в кулаки, на лбу выступила испарина. Снова зашипело и запахло паленым мясом. Терпел сколько мог, до пляшущих звездочек перед глазами, и тогда вернул нож в пламя горелки. Руки мелко дрожали. Достав контейнер со стрептоцидом, растер таблетку и засыпал раны. Перебинтовал чистым бинтом, снял жгут с руки. Теперь рана практически не будет кровоточить.

Боль от ожогов помаленьку успокаивалась, наркотик немолимо действовал. Отдышавшись, приступил к следующей процедуре. С ногой пришлось повозиться подольше, прикладывая нож несколько раз, — слишком большое выходное отверстие пули. Получив массу незабываемых впечатлений, покончил с ранами. Химический стержень практически исчерпал ресурс, мгла плотным кольцом зажимала зеленоватый свет. Надел термобелье и чистый комбинезон, подсохшие на пламени горелки ботинки. Потом разгрузка. Остатками бинта примотал к груди повисшую руку.

Полковник Бойко учил при первой возможности восстанавливать боеспособность, основу выживания на войне. Как бы плохо сейчас себя ни чувствовал, но желание выжить не давало покоя. Немного повозившись, почистил оружие и смазал оружейным маслом, хранившимся в разгрузке. Достал остатки боезапаса из рюкзака, забил пустые магазины. Всего восемь полных рожков, две гранаты для подствольника и одна ручная осколочная.

Негусто.

Дела сделаны, настала пора подумать о желудке. Если есть, то силы оставят тело, превратив в беспомощный овощ. Организму необходима энергия, чтобы восстановиться и затянуть раны. Голова по-прежнему болела и кружилась, тело после мучений требовало покоя. Действие наркотика заканчивалось, и слабость и усталость мешали движениям. Картинка плясала, не желая фокусироваться. Тьма постепенно поглощала остатки бледного химического света. Влажный воздух, перемешанный с запахом крови, внутренностей и горелой плоти, усиленным парами спирта, раздражал. Взяв фонарик и нож, хромая побрел к туше рептилии. Скоро последние капли адреналина с наркотиком перестанут действовать, и физические возможности тела резко уменьшатся. Опухнут раны, боль скует движения, да еще и последствия контузии — звон в ушах и головокружение — внесут лепту. Времени, чтобы позаботиться о пище, в обрез.

Пошатываясь, подошел к крылатой ящерице. Луч фонарика тщательно шарил по туше, определяя размеры. Тело — темно-зеленоватое, огромное, длиной около пяти метров, с бугрящимися под чешуей мышцами — поражало своей нереальностью. Перепончатые крылья черными кожаными тряпками раскинулись по каменному полу. Гибрид варана и летучей мыши со змеиной тупоносой головой, покрытой большими костяными пластинами. Разум отказывался воспринимать реальность и грозил неминуемым сумасшествием. Здравый смысл забился в панике. Если бы глаза не видели выхваченные из тьмы лучом фонарика части животного, то никогда бы не поверил в существование монстра.

Ученые, наверное, за экземпляр озолотили бы.

Сильно повезло.

При ударе о дно пещеры у автомата самопроизвольно

сработал подствольник, снаряд проломил грудь ящера и взрывом вывернул внутренности, упавшие мерзким дождем на пол.

Его величество случай — а то закончил бы жизнь в зубах доисторического животного.

Казус — участвовать в современной войне и быть сожраным последним, непонятным образом уцелевшим динозавром.

В развороченной, зияющей обломками ребер груди фонарик высветил большое, опутанное толстыми артериями и венами сердце. Долго возиться с отрезанием подходящего куска мяса не было возможности — головокружение и боль угрожали усилиться, перед глазами плыла смазанная картинка гигантской туши, сильнее наваливалась смертельная слабость. Находясь во власти шока, подающего реальность бредовым сном, несколькими движениями ножа вырезал еще теплое сердце. Крепко прижал чуть не выскользнувший из пальцев тяжелый ком мяса к груди. Еле хватило сил вернуться к озерцу. Бросив ношу, на камне порезал на тонкие ломтики. Насадив на шомпол автомата, поджарил на горелке и начал, обжигаясь, откусывать сочившиеся горячей влагой куски. Запах плохо прожаренного мяса дразнил ноздри.

Конечно, полусырое мясо без соли не очень вкусно, но на уроках выживания приходилось есть и худшее. Сейчас, в катастрофически бредовом положении, выбирать не приходилось. Нужно пытаться выжить, и я для этого готов есть что угодно.

Сдерживая рвотные позывы, постарался максимально забить желудок полусырым горячим мясом. Трапеза освещалась угасавшим тусклым зеленым светом, даваемым химическим стержнем. Ужин запил глотком спирта, разбавленного теплой водой озера, разжевал таблетку с горьким антибиотиком. Желание выжить отбросило другие мысли и переживания, отдав управление остатками здравого смысла во власть автоматизма. Перенесенный шок напоминал о себе усилившимися головокружением и болью, тошнота все чаще подкатывала к горлу.

Лишь бы не рвота.

Знаю, при контузии и сотрясении человека часто выво-

рачивает наизнанку, не позволяя организму принимать пищу. В моем нынешнем положении это равносильно неминуемой смерти. Много крови потеряно, и телу необходима пища для восстановления. Продолжая бороться с приступами рвоты, достал из аптечки небольшой продолговатый пенал. В нем спасение — сильное противорвотное средство, рекомендованное при отравлении нервно-паралитическими газами. Невыносимым усилием заставил себя проглотить пару таблеток. Тьма почти победила зеленый свет, поглотив окружающее пространство. От рюкзака отстегнул спальный мешок и теплоизоляционный коврик, расстелил рядом с озерцом на ровной поверхности. Навалилась усталость, слипались веки. Спальный мешок, резко взыв «молнией», плотно обнял, сберегая тепло. Рука нащупала успокаивающую шершавую рукоять пистолета. Коснувшись затылком положенного под голову рюкзака, моментально провалился в черную, полную кошмаров, вязкую пропасть сна.

Проснулся от сильнейшей боли, тысячами игл пронзающей раны. Тело окутал липкий, холодный, болезненный пот. Дрожь и стук собственных зубов эхом отдавались в гудящей голове. Промокший насквозь комбинезон мерзко облепил руки и ноги. Холод пронизывал, пуская волны слабых судорог. Пришлось раздеться, откинув в сторону промокшую до нитки одежду и вывернуть спальный мешок. Сильно знобило, местами бросая в жар, тошнота и головокружение не давали возможности хоть немного сосредоточиться, собрать воедино снующие в тумане бреда мысли. Состояние удручало.

Окружающая непроглядная тьма пахла разлагавшимся мясом. Пока в сознании, необходимо было позаботиться о ранах. Трясущимися скрюченными пальцами нащупал в недрах рюкзака последние два чистых перевязочных пакета. Щелкнул выключатель фонарика, и яркий луч разрезал тьму, побежал по голубоватой поверхности озерца и, устремившись вдаль, застыл солнечным зайчиком на шершавой каменной стене пещеры. В рассеянном мраке осторожно разбинтовал и обработал спиртом и стрептоцидом набухшие и покрасневшие раны. Почернений пока не наблюдалось, и это не могло не радовать.

Надеюсь, что это происходит в реальности, а не в горячем бреде раненого.

Окровавленные бинты красными лентами плавали на поверхности озера. Здоровой рукой, взяв их за концы, поло­скал круговыми движениями в теплой воде. Кровь раство­рялась, пускала бурые облака, ленты бинта светлели, изви­вались пронзающими муть щупальцами. Тяжеленный авто­мат положил между камнями и повесил на него мокрый бинт. Каждое движение давалось с большим трудом, постоян­но шатало и тошнило. Страшно хотелось пить, казалось, будто рот полон шершавого песка. Губы потрескались и по­крылись сухой коркой. Отбросив отвращение к теплой воде, наклонился к голубоватой поверхности озера.

Еда — лучшее лекарство.

Превозмогая боль, разогрел на горелке остатки сердца ящера и набил желудок недожаренным мясом. Сознание угрожающе болталось на волоске. Забравшись в спальник, отклю­чился.

Озноб и кошмары принялись за дело, мучительными вспышками терзая рассудок, боль не отступала и во сне. Кровавыми жуткими слайдами менялись картин­ки боя, нападающего ящера, разорванное пулями лицо бандита. Периодически впадал в беспамятство. Не знаю, сколько на­ходился в плену бреда, но, очнувшись, испытал зверский го­лод.

Желание выжить с трудом поставило меня на ноги. Луч фонарика светящимся столбом уперся в пол, выхватывая из мрака куски потрескавшегося камня, освещая путь. Поша­тываясь от боли и головокружения, осторожно ступая, по­брел к туше дракона и нарезал мяса. Вернулся к озеру, про­полоскал в воде липкие куски. Понюхал — резкого харак­терного запаха гниения не чувствовалось. Запасы еды, хра­нившиеся в рюкзаке, стоило побережь. Может, придется долго проваляться в пещере. Зная, что в воде мясо сохра­нится немного дольше, пару раз сходил к туше и отрезал бо­льшие куски, которые и кинул в озерцо. Головокружение мешало собраться с мыслями, постоянно казалось, что про­исходящее — продолжение бреда. Отдохнув и поджарив на горелке немного мяса, наелся. Верный друг фонарик смело боролся с мраком, прорезая световые туннели, заставляя

уползать под камни тени. Пора было заняться здоровьем. Обработал и перебинтовал покрывшиеся буграми сукровицы раны, из-за ожогов болевшие еще сильнее. Грязные бинты долго полоскал в озерце и снова развесил сушиться на автомате. Жажда давала о себе знать, покрывая сухой коркой губы.

Срочно необходимо найти питьевую воду.

Подобрал лежащий рядом пистолет, взял фонарик и, покачиваясь, осторожно ступая на раненую ногу, побрел в противоположный конец пещеры. Каждое движение отдавалось в ранах пульсирующей болью. Бинты моментально окрасились сукровицей. Это хорошо — пусть выйдет дурная кровь.

Фонарик четко выхватывал из темноты куски каменных стен. Небольшие сталактиты острыми зубьями свешивались с потолка, а навстречу им росли маленькие сталагмиты. Чувствовал себя жертвой в невероятной каменной пещере, в каждую минуту угрожающей захлопнуться. Первый раз в жизни видел такое чудо неживой природы. Красотой мешали насладиться головокружение, постоянно смазывающее нечеткое пространство, и единственная мысль о выживании. Если не действовать, то необычной красоты пещера станет отличным склепом. Луч фонарика, устремившись к дальней стене, отбил у мрака зубастую арку небольшого хода, ведущего из зала.

Легким уклоном пол шел вниз. Немного передохнув, придерживаясь за шершавую влажную стену, начал потихоньку спускаться. Световое пятно непоседливо скользило, ощупывая рваные края коридора. Раненая нога плохо слушалась, каждый раз отдавая пробегавшей по кости тупой болью. Ход то расширялся на прямых отрезках, то сужался на поворотах, но продвижению не мешал. Спуск занял около часа. Луч фонарика, прощаясь, скользнул по потрескавшемуся краю арки и, не найдя противоположной стены, бесследно утонул в просторном зале, пробив во мраке световой туннель.

Размеры зала впечатляли. Поводив фонариком и так и не найдя ни потолка, ни противоположной стены, в изнеможении привалился к холодному камню и закрыл глаза. Сил пройти дальше и обследовать пахнущее пылью пространст-

во не хватало. Немного отдохнув, на трясущихся от усталости ногах повернул назад.

Возможность спасения извне умерла вместе с разбитой радиостанцией. Нужно собрать оставшиеся силы, чтобы двигаться и бороться. Использовать любую возможность выжить и срочно искать питьевую воду. Без воды человек протянет недолго, а в моем состоянии еще меньше.

Мрачные мысли не покидали и без того болевшую голову. Шишка на лбу здорово опухла и нудно саднила, наполняя и так нерадостное самочувствие. Сотрясение постоянно напоминало о себе головокружением и тошнотой. Хорошо, что хоть противорвотное средство помогло задержать пищу в животе, а то давно бы от бессилия не смог стоять на ногах. Нудное возвращение вконец меня измотало. Добравшись до пещеры, кулем рухнул на спальник.

Необходимо поспать, набраться сил для поиска воды и нового места. Еще немного, и туша ящера начнет протухать, отравляя трупным ядом воздух.

С тревожными мыслями провалился в глубокую темную яму беспамятства, перемежающегося приступами жара и бреда.

Сознание возвратила моя спутница боль. Фонарик белым пятном уперся в рюкзак. Головокружение привычно качнуло картину реальности. Поднялся, пересилив желание не вылезать из спальника. Изрядно повозившись, перебинтовал начинающие темнеть и затягиваться раны. Запах разложения ощущался все сильнее.

В таких жутких условиях не выздороветь.

Измученный усталостью и слабостью, собрал вещи и экипировался, напоследок засунул в рюкзак большой кусок мяса. Туша протухала, вытесняя вонью воздух. Находиться возле озера становилось невозможно. Свет фонаря коснулся бурой поверхности воды и, растворившись, не достал дна. Озеро потемнело, сменив чистоту голубизны на темный цвет грязи. Набирать впрок пахнущую тухлятиной, непригодную для питья воду не имело смысла. Обругав себя ослом за то, что не додумался сделать это раньше, двинулся, опираясь на автомат, к разведанному ходу. Окованный приклад гулко постукивал по каменному полу пещеры, отмеряя каждый шаг.

Я часто останавливался и, привалившись к стене, отдыхал. Присаживаться не пытался, боясь не подняться. Ноги едва держали. Из-за головокружения казалось, что стены коридора постоянно пытаются схлопнуться, зажав меня. Периодически то правая, то левая больно ударяла меня в плечо, отбрасывая к противоположной соседке. Неторопливо, но упорно я продвигался к намеченной цели. Время растягивалось, удлиняя муки и проклятый каменный коридор. Рюкзак немилосердно давил на плечи. Противная нога плохо слушалась, и лишь верный тяжеленный автомат позволял на себя опереться. Мучитель коридор, напоследок поставив подножку выпуклым камнем, вытолкнул меня в огромный зал.

Луч фонаря не добивал до стен. Чувство свободного пространства приятно обняло пахнущими пылью камнями и еле уловимой свежестью горного ручейка. Сердце забилось быстрее, и радость робко толкнулась в груди. Омрачало одно — страшно хотелось пить. Жажда иссушила, тугим комом застряла в горле. Легкие вдыхали воздух, песком щеко-тавший гортань. Желание пить толкало вперед. Проковыляв небольшое расстояние, наткнулся на бесформенные развалины какой-то постройки. Свет фонарика вырвал из тьмы глыбы камня и грубо отесанные колонны, явно сделанные человеческими руками. Надежда на спасение тоненьким ростком пробивалась сквозь мрачные мысли, согревая душу.

Люди были здесь. Значит, мои шансы выйти наружу увеличивались.

Милый фонарик тщательно ощупывал щербатый от времени контур полуразрушенного здания, каменные ступеньки, арку входа... Тени испуганно шарахнулись, вжавшись в углы. Толстый, нетронутый слой серой пыли успокаивающе не обнаруживал признаков присутствия человека. Давно никто не ступал на полуразрушенные ступени. Жажда гнала меня, неумолимо толкая вперед, заставляя преодолевать боль и, пошатываясь, переставлять словно налитые свинцом ноги, поднимаясь по каменным ступеням. Потревоженное мертвое море пыли взвилось клубами. Луч жадно ощупал гранитные стены просторного зала, застыв на постаменте из черного камня. Его венчала, изгибаясь контура-

ми, грубо выточенная из дерева чаша. Шестиконечное основание плавно перетекало в узкую ножку, заканчивающуюся широкой полусферой, такая конфетница. Пошатываясь, подошел к постаменту и заглянул в чашу. Луч света искорками заиграл в прозрачной воде, наполнявшей деревянный сосуд.

Мираж.

Прислонив автомат к постаменту, потянулся дрожащими нетерпеливыми пальцами к чаше. Приятная шершавость дерева легла в ладони. Попытка наклонить сосуд ни к чему не привела. Чаша и на миллиметр не оторвалась, намертво приклеившись к поверхности постамента. Зеркальная гладь воды не шелохнулась.

Совсем ослаб.

Попытка встать на цыпочки и дотянуться губами до вожденной влаги гулко отозвалась болью в раненой ноге, и отяжелевший рюкзак предательски дернул тело назад, врезаясь лямками в плечи. Оставив попытки дотянуться, я, пересиливая боль, снял рюкзак. Плечи благодарно отозвались легкостью. Ноги подкосились, я разжал пальцы, и рюкзак упал на каменный пол, выбив облачко пыли и вероломно задев многострадальную ногу. Боль впилась в рану. Перед глазами поплыли красные круги. Жажда терзала, усиливая и без того плохое самочувствие.

Глоток бы той бурой воды из озера...

Теряя сознание, погружаясь в липкие лапы бреда, вцепился слабеющей рукой в чашу, вытянул шею, подтянулся и, встав на носок здоровой ноги, наконец вожденно коснулся губами шершавого края чаши. Зубы намертво вцепились в дерево, помогая телу. Свежесть влагой защекотала ноздри. Из последних сил жадно втянул воду. Жидкость устремилась в горло, огромными глотками проваливаясь внутрь. Холод болью обжег потрескавшиеся губы. Абсолютно безвкусная живительная влага.

Жажда отступала. Усталость невидимой легкой рукой снимало с плеч, а глотки студеной живительной влаги, казалось, проникают прямо в вены, разгораясь пожаром. Побелевшими от напряжения пальцами продолжал подтягивать тело, не разжимая впившихся в край чаши зубов. Чаша не пустела. Огонь и холод встретились в середине груди и

взорвались болью, пронзившей меня как раскаленным железом. Зубы разжались, постамент ударил в грудь, опрокидывая на спину. Сознание, пискнув, выключило мозг.

2

Яркая вспышка ослепила глаза, переходя в разрастающиеся, извивающиеся змеями синие молнии. Сознание рассыпалось миллионами мелких искорок. Ощущение собственного тела пропало, и наступила всепоглощающая легкость. Осколки здравого смысла хаотично роились, сталкиваясь с заледенелыми мыслями и обрывками памяти. Выручила яркая, резкая боль, матовым лучом пронзившая творившийся кавардак. Каждый осколок сознания содрогнулся, не в силах вытерпеть жестокую муку. Искорки мотыльками на свет свечи устремились к центру пульсирующего луча, приносящему нестерпимое, парализующее страдание. Остатки воли принялись соединять осколки здравого смысла в серебристый шар, облепляя источник боли. Все новые и новые искры сознания стремились помочь своим горевшим в матовом пламени товарищам. Мучения становились невыносимыми, но воля неумолимо продолжала собирать разбитый разум. Секунда, и наступившая спасительная тишина окутала холодом забвения. Слепившееся в шар сознание ощутило страшную мощь Вселенной, бесконечно огромной, усыпанной мириадами небесных тел, несущих холодный всепроникающий свет. Творилось неопишное. Секундная вспышка видения выхватила знакомые очертания одетого в грязный комбинезон тела, распластанного в нелепой позе на полу и бьющегося в судорогах.

Льдинки мыслей оттаивали.

Вот и смерть. Где свет в конце туннеля? Где проносящиеся картины жизни?

Сознание светящейся ночной бабочкой парило в мягкой пуховой пустоте. Вселенная распахивала двери и принимала в ласковые, нежные объятия. Пространство запотевшим окном мутнело, теряя краски, уступая место непроглядной, колючей, холодной тьме, поглотившей и растворившей маленькую частичку в тишине и забвении. Боль, в последнее

время ставшая верной спутницей, исчезла, ощущение небывалой легкости и спокойствия обволакивало, качая в уютной колыбели. Бег секунд превратился в тянущийся сироп и в конце концов застыл. Безмолвное, хладнокровное спокойствие вечности завладело угасающим сознанием.

Маленьким искрящимся светлячком вдали причудливо танцевала какая-то точка. Окружающая холодная тьма расступалась перед светящейся крохотным солнцем букашкой. Сознание с трудом просыпалось, ощущая приближение увеличивающегося сгустка мягкого, чистого, истинного света, плывущего на волнах нежной, спокойной, неземной музыки. Очнувшись, сбросив оковы хладнокровного безмолвия вечности, разум устремился, раздвигая плотное пространство, навстречу прекрасному светлячку. Искорки света, нещадно обжигая, коснулись сознания. Точка звонко лопнувшей струной взорвалась, вспыхнув белым пламенем, без остатка поглощая разум, кидая в океан бескрайнего света. Абсолютно непередаваемый, неопикуемый звук молотом ударил по задрожавшему пространству. Смысл глубоко засевшего в подсознании, давно забытого слова неуловимо ускользал, оставляя точный приказ к действию. Всколыхнув, подчиняя море огня, звук вырвал разум из плена пламени, искрящимся протуберанцем бросил в липкую тьму. Сознание сжалось, понеслось вдаль, превращая свет окружающих звезд в сверкающие нити новогоднего дождика и оставляя за собой яркую дорожку следа. Вселенная устремилась навстречу с завывающим диким, звериным криком, обладающим невероятной силой, способной взорвать мир, и пронзила копьём невыносимой боли камнем рухнувшее сознание.

Резко включившейся лампочкой заработал разум, тщетно пытаясь фокусировать картину действительности. Зрение отказывалось подчиняться. Я вновь ощутил собственное тело. Сознание, попав в ловушку из мяса и костей, лихорадочно принялось подключаться к управлению, неумолимо растворяя воспоминания о пережитом невероятном полете. Окружающее пространство материализовалось, диким воем терзая уши. Вернулась боль, не замедлив вгрызться в грудную клетку, но это была не физическая, от ран, а моральная, душевная — от потери чего-то очень важного,

родного, без которого жизнь не жизнь. Действительность холодным душем окатила сознание. Стоя на коленях в кисло-вязкой, холодной жиже, достающей до груди, я дико орал. Крик, пронзая пространство, метался под сводами, превращаясь в эхо, и таял в пустоте.

Невыносимо терзавшая боль ушла. Осознав все, я перестал жутко, постыдно орать и, преодолевая слабость, барахтаясь в противной жиже, выполз на гладко отполированный берег. Силы оставили меня, тело чугунной тяжестью намертво прилипло к полу, и я уткнулся лбом в холодную поверхность. Глубоко вдохнул свежий воздух с примесью запаха горячей смолы. Легкие благодарно отозвались коликами. Беспомощно, новорожденным лежал, распластавшись на плоской, твердой, холодной поверхности. Уши, залепленные стекающим с головы киселем, плохо воспринимали окружающие звуки, искажая в гул странные голоса. Мозг принялся лихорадочно оценивать действительность, сопоставляя воспоминания и реальность. Трясущиеся руки невероятным усилием коснулись ушей, и липкие пальцы, преодолевая немощность, стерли вязкий кисель. Звуки стали разборчивее, и затаившийся разум принялся впитывать происходящее.

— Повелитель, смотрите! Существо! — мелодично пропел женский голос.

— Кер, существо — человек из жестокого, брошенного мира, — раскатами грома ответил повелитель.

— ЧЕЛОВЕК — Часть Единого Луча, Освещающего Вселенную Е-Класса, — дала справку Кер. — Повелитель, невероятно!

— Интересно. Эреб! — прогрохотало в пустоте.

Как в страшном сне послышались гулкие приближающиеся шаги. Свинцовая тяжесть беспомощности прижала к холодной поверхности пола. Воля металась, пытаясь подчинить и поднять непослушное тело, распластанное на камне. Разум растерянно ожидал решения участи. Страх подлыми щупальцами обвивал душу. Шаги стихли у самого уха, горячее дыхание коснулось затылка. Тщетно прилагал усилия повернуть лицо, накрепко припечатанное лбом к полу, желая посмотреть опасности в глаза. Бессилие подавляло, и

страх резко сменился злостью, разгоревшейся сжигающим нутро пожаром.

Обидно.

Мне дышали в затылок и спокойно обнюхивали.

— Повелитель, существо пило из ЧАШИ! — Голос металлических нотками резанул уши.

«Трое. Повелитель. Женщина — Кер. Мужчина — Эреб», — молнией пронеслась в голове мысль. В критических ситуациях я соображал быстро. Звуки застряли в горле, сведя на нет попытку вымолвить хоть слово. Беспомощность прижимала к каменному полу, и оставалось лишь вслушиваться в странный разговор, ожидая своей участи.

— Той самой? — спросила Кер.

— Да, он черпал из хранилища чистой Альфы.

— Почему существо здесь? Ведь это та ЧАША? Он должен был попасть к Альфа!

— Повелитель, я чувствую! — Голос ударил мне в ухо. Сопение усилилось, горячее дыхание обжигало мочку. — Я чувствую субстанцию Омега! — выкрикнул Эреб, и от громкого крика у меня зазвенело в голове.

— Вот Альфа и не принял, — подытожила Кер.

— Должен забрать Омега! В нем есть часть Омега! — Голос Эреба разрывал мне перепонки.

— Омега не возьмет, он пил из чаши Альфа, по закону — нельзя!

— ЧЕЛОВЕК с частицами Альфа и Омега! — Хохот Эреба заставил трястись каменный пол.

— Уничтожь! — Приговор повелителя поставил точку в моем существовании.

Ярость беспомощности разрывала. Страх неумолимо душил сознание. Разум, надежно запертый в невыносимо тяжелой клетке неподчиняющегося тела, поддавшись панике, метался, ища выход из ситуации. На затылок легла рука, обхватив сильными длинными пальцами, сдавила горло. Дыхание сперло, застрявший комок воздуха невыносимым огнем обжег, разрывая, легкие. В глазах заплясали светлые зайчики. Теряя сознание, сквозь мутную пелену услышал, как повелитель прогрохотал:

— Стой!

Хватка ослабла, свежий воздух со свистом проник через

сдавленное кольцом боли горло. Легкие жадно посылали кислород в кровь, бешено стучащую в висках. Пелена рассеивалась.

— Раз Вселенная забросила отринутое всеми существо — оно по праву наше! — Голос повелителя вселял надежду на продолжение жизни.

— Повелитель, займемся ковкой? — В голосе Кер проскользнули нотки удивления.

— Да! Я так решил! Эреб, существо в купель, пусть пропитается жизнью! — прогрохотал приказ.

Сильные руки схватили меня за плечо и ногу и ненужной деревянной куклой резко подняли и бросили. Ощущение свободного полета погладило воздухом тело, шлепком о вязкий кисель выбивая потухшее сознание.

Тишина и покой.

Очнулся на плоской холодной поверхности. Сознание неумолимо стягивало покрывало сна, возвращая к реальности. Холод камня пробирал до костей. Затекающее тело ныло. Упираясь разьежающимися, дрожащими руками, встал. Зрение сфокусировалось. Плывущая картинка принимала четкие, весьма фантастические и одновременно жутковатые очертания огромного зала древнего строения. Качнувшись, оглянулся и увидел небольшое наполненное бледно-молочной жидкостью овальное озеро. Вымощенные черными плитками ступеньки, выглядывая над мутной поверхностью, выходили на грубый мраморный пол. Поймав равновесие, вернулся к созерцанию принявшей отчетливые формы окружающей действительности.

Гранитные кроваво-красные стены уходили ввысь, растворяясь в темной пустоте потолка. Посреди зала большим кругом размещались факелы на высоких шестах, образуя огненную арену. Вдоль стен стояли грубые деревянные конструкции, отдаленно напоминавшие не то спортивные снаряды, не то страшные машины пыток. За ареной в пляшущем свете факелов виднелись ступеньки, пирамидой взбирающиеся к освещенной толстыми свечами небольшой площадке, где сидел человек. Темно-красное одеяние с большим капюшоном скрывало фигуру и лицо. Огонь свечей вытанцовывал жуткий танец в складках переливающейся ткани. Реальность походила на бред сумасшедшего,

явно папахивающий шизофренией и долгим и бесполезным лечением. Впечатление усиливала грубая, рваная, мешком висевшая на мне хламида.

Покачиваясь, я коснулся руками головы, стараясь вспомнить события, произошедшие за последнее время. Мозг отказывался верить действительности и пришел к нехорошему выводу — контузия и удар о пол пещеры сделали дело.

Тело лежит и умирает от полученных ран в холодной пещере, а воспаленный мозг бредит, рисуя страшные картины.

Пошевелил ступнями. Босые ноги отчетливо ощущали под собой каменный пол, слишком холодный и шершавый для шизофрении или бреда раненого. Сильно ущипнул за бедро, надеясь проснуться, но боль от щипка лишней раз доказала реальность происходящего. Ощупав трясущимися пальцами тело и не обнаружив следов ран, не говоря о повязках, испытал шок, сменившийся нарастающей паникой. Попытался собрать в кучу разбегающиеся мысли, но получалось плохо. Стараясь дышать ровно и успокоиться, чтобы окончательно не сойти с ума, оценивал не поддающееся анализу положение. Действительность не укладывалась в рамки здравого смысла, и я решил стойко принять удар судьбы, лишившей меня рассудка.

В воздухе пахло серой и смолой от горевших факелов, слышно было легкое потрескивание пламени. Реальность происходящего поражала.

«Кома!» — вспыхнула в голове спасительная мысль.

Конечно, кома! Я чуть не запрыгал от радости. Тело в коме, а мозг выделяет различные кульбиты!

Это оправдывало увиденное и отсутствие ран на теле. Оставалось выбрать, понять правила игры и решить головоломку. Найти выход в закоулках мозга и очнуться от комы. Но спасительные умозаключения прервал знакомый голос:

— Кто ты, ЧЕЛОВЕК?

Фигура в мантии не пошевелилась.

— Я лейтенант Александр Стрижев, — ответил, лихорадочно вспоминая правила поведения в плену.

— Ты существо Е-класса! — прогремело по залу.